

АНАЛИЗ

Модернизация за 60 часов

Василий Колташов

Модернизация в России насчитывает уже больше двух лет истории. Но никаких серьезных перемен незаметно. Туманная доброжелательность высших чиновников соединяется с обещаниями ввести страну в ВТО, а социальную политику сделать рыночной и более экономной. При этом на фоне общих фраз о том, как власти переустроить Россию, консервативно ее «модернизировать», выделяются очень конкретные предложения.

В обращении к Федеральному собранию в конце 2010 года президент России говорил о многом. Все его выступление было выдержано в ключе риторической модернизации. Глава государства сказал и про обновление политики национальной безопасности и про модернизацию армии, во что нелегко поверить как в нечто реальное. Даже простое перевооружение ВС (без качественной реформы) вряд ли может явиться чем-то большим, нежели экономическим шагом, подобным стимулированию продаж холодильников и автомобилей. Беда в том, что у России нет оснований для перехода к военному кейнсианству: страна с 2008 года выглядит все менее амбициозной. Пра-

вительство больше не мечтает вслух о превращении России в мировой финансовый центр. Экономическое основание внешнеполитического курса налицо во всей прозаичности.

Политические фразы не должны обманывать: страна экспортировала сырье, и она намерена продолжать это делать. Для поддержания такого курса активно ведутся переговоры о присоединении РФ к ВТО. Создание Таможенного союза с соседними странами в таких условиях начинается казаться временным делом, а возможно – предметом будущего торга. Корпоративная Россия не стремится к образованию единого рынка и общей правовой системы сообща с иными постсоветскими государствами. Курс экономической политики остается рыночно-консервативным. При этом он вздобен фразами о модернизации.

Общество столько раз с 2008 года слышало об окончании кризиса, что стало возможно поверить в реальность этих слов. Однако корпорации не уверены в завтрашнем дне, а правительство не имеет ни умного плана товарной экспансии на внешние рынки, ни стратегии развития внутренне-

го рынка, частью чего могла бы стать техническая и структурная модернизация экономики. Ожидание конца мировой хозяйственной нестабильности превратилось в депрессивный застой. Денег правительству требуется немало, а на рынке разворачивается передел. Отсюда и желание президента вывести унитарные предприятия из ведения региональных властей. Отсюда – снятие Лужкова, по сути, взятие столичной мэрии под контроль центром.

Власти балансируют в непростой игре. С одной стороны, необходимо сохранить доверие верхушки сырьевых монополий – управляемый передел собственности и влияния идет в их интересах. С другой стороны, наличие признаков социального кризиса в стране и нужно что-то говорить людям, с третьей – не хватает ресурсов. Последние необходимы для дальнейшего поддержания большого бизнеса. В итоге публике бросают противоречивые и лишенные прицела на будущее декларации.

Наряду с государственными фразами существуют конкретные интересы сырьевых монополий. Власти запланировали новую приватизацию. Пакеты принадлежащих государству акций должны будут перейти в руки корпораций. Расплачиваться за покупки крупный бизнес будет, вероятно, данными правительством деньгами. Чиновники уже объявили, что дополнительная приватизация нужна для пополнения казны. На деле она нужна для укрепления положения ведущих компаний. Центр рассчитывает вывести из подчинения региональных властей унитарные предприятия. Они, очевидно, перейдут в ведение федеральных чиновников, а затем и

во владение к большим игрокам. Раздел пирога состоится за кулисами в Москве.

Но бизнес не намерен ограничиваться фискальной поддержкой властей. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) предложил увеличить продолжительность рабочей недели до 60 часов. Разработанный РСПП проект поправок Трудового кодекса включает также расширение срочных контрактов и вытеснение постоянных трудовых договоров. Российский бизнес действует в рамках общемирового неолиберального курса, в частности, линии ЕС.

Идея заставить наемных работников трудиться на 20 часов в неделю больше выглядит логичной для бизнеса. Капитал понимает свои интересы просто: увеличение рабочего дня до 12 часов должно произойти без повышения оплаты труда. Фактически, такая мера призвана снизить почасовую оплату. Россияне не привыкли ее считать. Покорная готовность трудящихся бесплатно работать сверхурочно сделала притязания бизнеса особенно наглыми. РСПП призывает власти «узаконить» то, что, по его мнению, уже является фактом. «Давно назревшее» обсуждение нужно бизнесу и бюрократии как проверка готовности рабочего класса проглотить новое крупное урезание прав.

Наряду с удлинением трудовой недели «по согласию работника» РСПП стремится ввести правовую практику «дистанционной работы». Такая норма должна позволить активной загружать персонал без оглядки на позволенные рабочие часы. Другие «новшества» разработанного комитетом по рынку труда и кадровым стра-

тегиям РСПП во главе с миллиардером Михаилом Прохоровым пакета обновлений Трудового кодекса касаются предоставления работодателям права менять «по причинам экономического характера» трудовой договор в одностороннем порядке. Срок уведомления работника о предстоящих изменениях контракта предлагается сократить с двух до одного месяца. Это должно облегчить компаниям увольнение и перевод рабочих на худшие условия труда. Совершенно неясно что независимые профсоюзы могут здесь обсуждать с РСПП.

Администрация президента пользуется «шаблонным представлением» о модернизации как всеобщем явлении, включающем рост общественной культуры, широкое внедрение техники и новых, более комфортных, стандартов жизни. Но «Единая Россия» говорит о «консервативной модернизации». Президент страны масштабен в рассуждениях о том прекрасном завтра или послезавтра, которое ждет россияне. Чиновные проекты узки и туманны. В то же время российский бизнес стремится осуществить то, что не вышло у французской буржуазии – заключать с «лицами, поступающими на работу впервые», временный договор. Нет сомнения, что молодежные контракты окажутся дискриминационными и по своему содержанию. Предложения РСПП по «добровольному» удлинению рабочей недели включают избавление работодателей от обязанности предоставлять оплачиваемые отпуска для сдачи экзаменов трудящимся, поступившим на заочное обучение по своему желанию.

Стремление распространить срочные трудовые договора тол-

кает РСПП на применение их как обязательной нормы к работникам, достигшим 60 лет. Особо уязвимое положение молодых и пожилых рабочих должно сделать сговорчивее и терпеливее «среднее звено» трудового класса. Юридическое обеспечение всевозможных «дополнительных оснований» для перевода рабочих на временные контракты занимает большую часть предложений бизнеса власти. РСПП рассчитывает с принятием пакета заставить наемных работников трудиться больше в более уязвимом положении. Законность последнего обязана принудить рабочего легче принять 60 часовую рабочую неделю и свое бесправие.

В качестве печального обоснования необходимости поправить Трудовой кодекс, РСПП приводит статистику. По данным союза предпринимателей, бессрочный трудовой договор все еще господствует в России. За минувшие годы экономического подъема он даже стал более популярным: в 2000 году по нему трудились 76,8% рабочих, а в 2007 году – 81%. Доля временных контрактов снизилась с 12% до 10%. Экономический кризис ухудшил ситуацию на рынке труда, что позволило РСПП надеяться на законное усиление эксплуатации наемных тружеников. Единственное, что может (при пассивности масс) помешать бизнесу масштабно осуществить свой план, – это страх правительства перед социально-политическими последствиями перемен. Под воздействием этого страха бюрократия уже начала играть роль народного защитника от произвола бизнеса.

Каждый пункт предложений РСПП ухудшает положение на-

емных работников в России. Слабость левых и независимых профсоюзов дает капиталу шанс надеяться на легкое внедрение поправок в трудовом праве. Но правительство не может забыть о высокой безработице, низких зарплатах населения и множющейся нищете. Ужесточение трудового законодательства позволит бизнесу нанимать меньше людей и меньше платить за время работы, а возможно, и вообще не платить – из-за повышенной конкуренции за рабочие места. Об увеличенной оплате сверхурочных часов, там, где ее удастся получить, трудящимся придется забыть. Широкое внедрение временных контрактов сделает будущее миллионов россиян еще менее предсказуемым.

60-часовая неделя и другие меры, рекомендуемые РСПП, выгодны капиталу, но опасны для его политической системы — государства. Даже избирательное применение пакета сыграет на усиление классовой ненависти в стране. В 2008–2010 годах она зрела тихо. В 2011–2013 годах формы народного недовольства могут измениться: место кухонного плача о невзгодах, скорее всего, займут не пикеты и митинги (почти запрещенные в России), а политические стачки. Рабочее движение должно будет выбраться из кокона и показать всю силу объединенного активного класса так, как это можно видеть во Франции.

Модернизация экономики выглядит иллюзией для общества. Однако большой бизнес и его российский агент РСПП пребывают в мире собственных – неолиберальных иллюзий. Кризис не дает, а отнимает у капитала священную идею эффективной все-

дозволенности. Далеко не все желаемое может отныне идти ему на пользу. Проблемы обещает и курс на коммерциализацию общественной сферы. Бесплезность с точки зрения преодоления кризиса характерна и для стремления России скорее войти в ВТО. Бизнес конкретен в своих требованиях, а его государство туманно в своих проектах модернизации. Оба они равняются на центральные рынки планеты и ждут, что ЕС и США покончат с факторами, способными обострить кризис.

Экономическая ситуация в ЕС ухудшается не вопреки финансовой помощи, оказываемой странам структурами Союза, а во многом благодаря проводимым мерам «экономии». Существует спектакль с шумихой по поводу проблем бюджетов и нестабильности евро, но существует и маскируемая им политика. Это политика усиления неравенства в ЕС, укрепления позиций капитала Германии и Франции через «оказание помощи». Идет передел сфер влияния. В Греции под шум о проблемах произошло усиление французской торговой сети Carrefour, а также германского большого бизнеса. Капитал концентрируется, а мелкий и средний бизнес разоряется.

Некоторые эксперты пугают распадом Евросоюза. Никакого выхода стран из ЕС или зоны евро пока не предвидится – такие версии лишь часть спектакля. Курс европейской валюты будет, вероятно, плыть следом за долларом. Не стоит забывать, что это не самостоятельная, а зависимая от США валюта, как и весь Евросоюз зависим от США. Поэтому самый негативный сценарий для российской экономики – это падение потребительского спроса в Евро-

пе при снижении реальной покупательной силы евро следом за долларом. России все это обещает непростой сбыт сырья в странах ЕС, а Газпрому с его подводными газопроводами еще, возможно, и большие убытки.

Отнимая у трудящихся права и новые доли доходов, капитал добивается только ухудшения экономической ситуации. Такое положение одинаково для ЕС, Казахстана или России. Неoliberalизм сам ведет себя к политической катастрофе. И если власти РФ выглядят осторожными, то это, прежде всего, – результат высоких цен на нефть. Их падение в результате закономерного краха спекуляций сделает модернизацию экономики России неизбежной, потому что не-обходимой. Политические перемены в стране окажутся нужными не меньше.

Охвативший бюрократические верхи испуг от возможных последствий внедрения пакета предпринимательских предложений, уже вынудил РСПП пятиться назад. Его представители заявили, что речь идет о полнейшей добровольности 60-часовой рабочей недели и неверно воспринятом предложении. Но по требованию упростить процедуру увольнения и иным пунктам своей программы РСПП не стал выдумывать оговорки. Представители «Единой России» не заметили этих «мелочей» в ходе критики замысла удлинения трудовой недели.

Власть обеспокоена пополнением казны. Министр финансов заявил о необходимости сформировать третий резервный фонд. Размер двух первых был засекречен после объемных трат на борьбу с проявлениями кризиса.

Государство планирует приравнять не возвращенные из-за границы по внешнеторговым договорам деньги к доходам, полученным преступным путем. Отток капитала начинается нервновать чиновников, хотя пик его пришелся на первые два года кризиса.

Российское правительство вступило в битву за сохранение доходной части бюджета. Эту борьбу чиновники будут вести не бескомпромиссно и не дальновидно. Новые меры – лишь ответ на ситуацию, а не смена хозяйственной стратегии государства вообще. Ему просто нужны деньги. Распоряжаться ими власти будут по-старому. Отток капиталов из России вполне логичен: его невозможно инвестировать напрямую, а главные спекулятивные игры идут за пределами отечественного рынка. Стремятся ли власти новыми мерами обуздать тенденцию? Скорее всего, они просто пытаются поставить ее себе на службу. Ясно также, что межкорпоративные противоречия в результате будут обостряться.

Усиление эксплуатации трудящихся, в том числе через увеличение рабочей недели, рассматривается большим бизнесом как политика, повышающая конкурентоспособность экономики. Но она совершенно не согласуется с декларируемым курсом модернизации, если только не считать ею движение общества вспять. Для появления в стране передовых отраслей и развития внутреннего рынка нужна политика, направленная на повышение доходов населения, его культурного и интеллектуального уровня. Необходимо развитие системы образования и науки с объемным их финансированием. Отечественные сырьевые монополии не хотят ни-

чего подобного. Бизнес понимает, каково содержание термина «модернизация», а власть сознает, что не бывает консервативной модернизации. И все же консолидированный курс капитала и чиновников направлен к закреплению периферийного положения экономики России. Элиты ждут спасения от мирового рынка, а он подготавливает новые бедствия.

Российский капитал бесслепен выиграть то, чего более всего хочет – возвращения стремительного подъема 2000-х годов. Кризис стал повседневностью и

продлится еще годы. Не избежать не только возмущения масс, но и раскаянья за упущенное время. Два года риторической модернизации могли оказаться хотя бы частичным и осторожным, но движением вперед. Вместо внедрения новой техники и опоры на науку капитал готовит новое урезание трудовых прав, а власть – социальных расходов. Это не укрепит экономики, а послужит перерастанию социального кризиса в кризис политический. А как же модернизация? Она будет потом.